

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Института права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Уголовная ответственность за захват заложника

Студент

Е.А. Старостина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

А.Р. Тахаутдинова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Актуальность выбранной темы заключается в том, что за последние несколько лет во всем мире заметно увеличилось количество случаев взятия заложников. Высокий процент захвата заложников происходит в странах с политическими и социальными беспорядками, высоким уровнем неравенства среди граждан этих стран и где местные правоохранительные органы либо коррумпированы, либо просто не могут держать повстанческие группы под контролем. В странах, охваченных беспорядками, удастся поймать лишь небольшое количество террористических групп, что еще больше побуждает повстанческие группы прибегать к захвату заложников как средству достижения своих целей.

Цель работы – рассмотрение уголовной ответственности за захват заложников.

Данная цель определила постановку следующих задач: рассмотреть происхождение нормы по российскому законодательству; исследовать зарубежный опыт ответственности за захват заложников; дать уголовно-правовую характеристику состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ: объективные признаки захвата заложника, субъективные признаки захвата заложника; исследовать квалифицирующие признаки захвата заложника; провести отграничение захвата заложника от похищения человека, а также отграничение захвата заложника от террористического акта.

Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Возникновение и развитие уголовно-правовых норм об ответственности за захват заложника	7
1.1 Происхождение нормы по российскому законодательству	7
1.2 Захват заложников: зарубежная практика	13
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ	21
2.1 Объективные признаки захвата заложника	21
2.2 Субъективные признаки захвата заложника	24
2.3 Квалифицирующие признаки захвата заложника	30
Глава 3 Отграничение захвата заложника от смежных составов преступлений	36
3.1 Отграничение захвата заложника от похищения человека	36
3.2 Отграничение захвата заложника от террористического акта	41
Заключение	44
Список используемой литературы и используемых источников	46

Введение

За последние несколько лет во всем мире заметно увеличилось количество случаев взятия заложников. Мотивированные перспективой получения денег в обмен на своих заложников, многочисленные повстанческие и экстремистские группировки по всему миру все чаще прибегают к захвату заложников с целью получения выкупа в качестве средства финансирования своей деятельности, вербовки новых сторонников и создания общественного сочувствия к своему делу.

Многие правительства не хотят вести переговоры с террористами из-за веры в то, что другие террористические группы могут воспользоваться прецедентом.

Высокий процент захвата заложников происходит в странах с политическими и социальными беспорядками, высоким уровнем неравенства среди граждан этих стран и где местные правоохранительные органы либо коррумпированы, либо просто не могут держать повстанческие группы под контролем [8].

В странах, охваченных беспорядками, удается поймать лишь небольшое количество террористических групп, что еще больше побуждает повстанческие группы прибегать к захвату заложников как средству достижения своих целей.

Немногие правительства ведут переговоры с террористами из-за веры в то, что в будущем они станут мишенью других террористов, если они продемонстрируют готовность пойти на уступки и удовлетворить требования террористов [10].

К концу XX столетия терроризм стал реальностью и для России. От террористических актов пострадало население Буйнакска, Волгодонска, Москвы и других городов. Оперативная обстановка в Российской Федерации относительно совершения преступлений террористической направленности

остаётся сложной в некоторых ее субъектах, прежде всего на территории Северного Кавказа имеет тенденции к обострению.

Одним из таких преступлений считается захват заложника (ст. 206 УК РФ). Так, 26 октября 2002 г. чеченские террористы в здании Театрального центра во время мюзикла «Норд-Ост» взяли в заложники 916 человек, выдвигая требование вывода российских войск с территории Чечни. В результате штурма большая часть заложников была освобождена, однако под воздействием усыпляющего газа из числа заложников погибли 130 человек. Все террористы, захватившие в заложники ни в чем неповинных мирных граждан, в результате штурма были убиты. Проведенные после штурма расследования выявили ряд упущений со стороны правоохранительных структур. Например, тот факт, что по всей территории России, в том числе через многочисленные посты ДПС, незаметно провезли 3 взрывных устройства большой мощности, переделанных в Чечне из артиллерийских 152-миллиметровых снарядов, 18 автоматов Калашникова, 20 пистолетов Макарова и Стечкина, несколько сотен килограммов пластика, более 100 гранат, вызывает справедливые возмущения [14].

Объектом исследования является сфера общественных отношений, в рамках которых совершается захват заложников и реализуются нормы уголовного законодательства об ответственности за захват заложников.

Предмет исследования включает уголовно-правовой аспект борьбы с захватом заложников, охватывая законодательство об ответственности за захват заложников, научные труды, посвященные данной проблеме и законодательную базу борьбы с захватом заложников, практические наработки в области квалификации данных деяний.

Цель работы – рассмотрение уголовной ответственности за захват заложников.

Данная цель определила постановку следующих задач:

- рассмотреть происхождение нормы по российскому законодательству;

- исследовать зарубежный опыт ответственности за захват заложников;
- дать уголовно-правовую характеристику состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ: объективные признаки захвата заложника, субъективные признаки захвата заложника
- исследовать квалифицирующие признаки захвата заложника;
- провести отграничение захвата заложника от похищения человека, а также отграничение захвата заложника от террористического акта.

Методология. При написании работы использовались следующие методы научного познания: метод анализа и обобщения, логический, исторический, формально-юридический методы исследования.

При написании работы использовались следующие нормативные правовые акты: Конституция Российской Федерации, Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), международные правовые акты, а также материалы судебной практики.

Структура. Работа состоит из введения, трех глав и семи параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Возникновение и развитие уголовно-правовых норм об ответственности за захват заложника

1.1 Происхождение нормы по российскому законодательству

Захват заложников – преступление, которое заключается в физическом ограничении свободы одного или нескольких лиц. Данное преступление считается особо опасным противоправным деянием, число жертв которого измеряется тысячами человек ежегодно.

Захват заложников наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет, а при наличии признаков преступления - лишением свободы на срок от 6 лет до пожизненного заключения. В соответствии с примечанием к данной статье лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности при отсутствии в его действиях иного состава преступления. Криминализация этих действий и предусмотренных санкций в российском уголовном законодательстве соответствуют нормам международного права на том основании, что ООН классифицирует захват заложников как преступления, «вызывающие серьезную озабоченность международного сообщества». На основании Конвенции лицо, взявшее заложника, подлежит уголовному преследованию или экстрадиции. Это в первую очередь связано с тем, что право на жизнь, здоровье и свободу выражения мнений являются общепризнанными основными правами человека. Европейская конвенция 1950 года о защите прав человека и основных свобод провозглашает право каждого на жизнь, которой никто не может быть лишен произвольно (часть 1 статьи 2). Никто не должен подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию (статья 2). В соответствии с Конвенцией никто не должен содержаться в рабстве или ином рабстве (ч. 1 ст. 3).

Таким образом, человек имеет право на свободу, которая может быть ограничена только в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным

законодательством (ч. 1 ст. 4) 7. Часть 1 ст. 20 ч. 1 ст. 22, ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации 1993 г. гарантируют эти права.

Государство взяло на себя обязательства по их обеспечению и защите. Захват заложников грубо нарушает эти права в противоправных интересах. В этом отношении российские исследователи в целом единодушны в том, что «норма об ответственности и наказании за захват заложников заимствована внутригосударственным уголовным правом в основном из международного публичного права [7].

Реализация анализируемой нормы во внутреннем законодательстве нашей страны произошла сравнительно недавно. Отметим, что нормы, устанавливающие уголовную ответственность за захват заложников, появились уже в первых актах феодального периода, таких как Псковская судебная книга, Свод законов 1497 года, Свод законов 1550 года, Соборный кодекс 1649 года, Военный кодекс. Кодекс Петра I 1715 г., предусматривавший наказание за аналогичные преступления. Во времена Российской империи в учении уголовного права впервые упоминалось такое преступление, как похищение человека. В частности, произведения П.И. фон Фейербах, опубликованный в Санкт-Петербурге в 1810 году, рассматривал эти преступления среди других. Они включали современное понимание захвата заложников.

Свод законов Российской империи 1832 года, а также Уголовно-исполнительный кодекс 1845 года в статьях 1540-1544 предусматривали наказания за задержание, похищение и незаконное заключение, которые были определены как «умышленное лишение свободы передвижения путем незаконного захвата лица». Похищение понималось как «физический захват ... с различными целями», который закон дифференцировал «по праву собственности» на «работоторговлю, сокрытие или изменение происхождения младенца и похищение женщин».

Последний Уголовный кодекс России 1903 г. в гл. 26 «Об уголовных действиях против свободы личности» также предусмотрены статьи

(статьи 498-512), предусматривающие уголовную ответственность за преступления против личной свободы, называемые похищением людей [15].

Советское уголовное законодательство не содержало специальных положений о захвате заложников. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года (ст. 159) содержал норму об уголовной ответственности за насильственное незаконное лишение свободы в виде задержания или содержания под стражей. Он также предусматривал наказание в виде лишения свободы в форме, опасной для жизни или здоровья, либо с мучениями (ст. 160 Уголовного кодекса РСФСР). Введена уголовная ответственность за похищение с корыстной или иной незаконной целью, сокрытие или подмену ребенка (ст. 162). Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. предусматривал наказание за насильственное незаконное лишение свободы (ст. 147), в том числе в виде манера, опасная для жизни или здоровья, либо сопровождающаяся причинением физических страданий. Также сохранилась норма о похищении, сокрытии или замене ребенка (ст. 149). В то же время эти нормы не содержали никаких признаков современного понимания преступности с захватом заложников. Возможно, это связано с тем, что подобные преступления не были типичными для СССР и норм о похищениях для советских правоохранителей на тот период было достаточно [16].

Кроме того, нельзя не учитывать, что НКВД-ГПУ- Органы НКГБ фактически использовали практику захвата заложников, задержания членов семей лиц, обвиняемых или подозреваемых в совершении государственных (политических) преступлений, либо лиц, занимавших ответственные должности и тем самым пытающихся доказать свою лояльность ... Например, арест и ссылка (1949-1953) ПС Жемчужина, жена заместителя Председателя Совнаркома, министра иностранных дел СССР В.М. Молотов. Фактически она была взята в заложники, и Молотов, продолжая оставаться вторым человеком в государстве, должен был доказывать свою лояльность.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. предусмотрена уголовная ответственность за похищение (подмену) ребенка в любых целях (ст. 125 УК

РСФСР), а также незаконное лишение свободы, в том числе с опасностью для жизни или здоровья, с причинением физических страданий (ст. 126 УК РСФСР). Отсутствие специальной криминализации захвата заложников в советском уголовном праве российские исследователи объясняют тем, что это преступление было тогда (до середины 1980-х гг.) «достаточно редким». С такой позицией трудно согласиться. Взятие заложников в процентном отношении к другим общеуголовным преступлениям было действительно незначительным, но случаи, которые имели место, повторялись ежегодно, имели тенденцию к росту и были наиболее опасными для населения.

В 1970-е годы в СССР ежегодно регистрировалось в среднем 5-6 случаев угона самолетов, сопровождавшихся захватом заложников. Наиболее известен уже упомянутый захват и угон Ан-24Б (рейс Батуми-Сухуми) в Турцию 15 октября 1970 г. отцом и сыном Бразинскасами. Это вынудило советского законодателя 3 января 1973 г. ввести уголовную ответственность за угон воздушного судна (ст. 213.2 УК РСФСР), которая с этого момента квалифицируется самостоятельно. Кроме того, все рейсы сопровождалась вооруженными полицейскими [17].

Криминализация и дополнительные меры не изменили ситуацию. Уже 18 мая того же года был угнан Ту-104А (Иркутск-Чита). Сопровождающий полицейский застрелил террориста, но мощное самодельное взрывное устройство уничтожило самолет, в результате чего погибло 72 пассажира и 9 членов экипажа. В этой связи трудно согласиться с позицией, согласно которой захват гражданских самолетов и пассажиров как заложники «были изолированы» и в силу своей редкости «не представляли общественной опасности в масштабах страны». В то же время рост беспорядков в советских исправительных учреждениях почти всегда сопровождался захватом заложников., после чего последние стали признаваться опасными.

Примерно в то же время, в конце 1970-х годов, международное сообщество признало хладнокровие серьезным преступлением.

На рубеже 1980-1990 гг. нарастали явления, характерные для социально-экономической жизни. экономический и политический кризис, преобладание взятия заложников в учреждениях содержания под стражей, а также захват заложников из числа первых предпринимателей и членов их семей с целью вымогательства побудили российского законодателя к внести поправки в Уголовный кодекс РСФСР [18].

По статистике Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, в 2015–2018 годах в России ежегодно совершалось 5-6 дел о захвате заложников, около 340 похищений и около 200 незаконных тюремных заключений. В то же время, исходя из того, что по статистике более чем в 80% случаев заложники в России захватываются с применением оружия или других предметов. В связи с международным признанием терроризма одним из глобальных вызовы, в российской литературе при обсуждении вопросов минимизации угроз безопасности в виде терроризма, экстремизма, религиозного радикализма высказывались предложения по корректировке структуры статьи 9 Уголовного кодекса Российской Федерации, Выделение «террористических преступлений», которые означают террористические акты, захват заложников, а также по каким-то причинам бандитизм, организацию незаконного вооруженного формирования, которые могут не иметь отношения к терроризму, в отдельной главе. Учитывая отсутствие юридического определения «преступления террористического характера», эти предложения критикуются с той позиции, что захват заложников полностью покрывается составными частями террористического акта.

Ю.С. Горбунов предложил здесь исходить из разграничения преступлений, связанных с терроризмом:

- сами деяния - ст. 205 УК РФ («Теракт»), ст. 206 УК РФ («Захват заложников»), ст. 211 УК РФ («Угон воздушного, водного или железнодорожного подвижного состава»);
- содействие таким действиям - ст. 205.1 УК РФ («Содействие террористической деятельности»), ст. 205.2 УК РФ («Публичные

призывы к террористической деятельности или публичное оправдание терроризма»).

В любом случае, несмотря на отсутствие юридически закрепленного определения «преступления террористического характера», доктрина предполагает, что захват заложников следует рассматривать как террористическое преступление [19].

С.А. Черных признает данный акт «прямо или косвенно связанным с терроризмом и террористической деятельностью», ссылаясь на ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Российская судебная практика противоречит этим положениям. Приведем типичный пример. Суд установил, что 8 февраля 2015 г. некий г-н П., ранее совершивший несколько краж и находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришел к матери своей жены, г-же Б., чтобы узнать местонахождение ее дочери г-жи. И. в агрессивной манере. Опасаясь насилия, г-жа Б. попыталась сбежать. В тот момент г-н П. «имел прямое преступное намерение захватить, а затем удерживать г-жу Б. в качестве заложницы», чтобы заставить ее дочь г-жу. Чтобы привести к нему их общую маленькую дочку. Суд установил, что г-н П., «осознавая свое прямое преступное намерение, направленное на захват и удержание заложника», вооруженный ножом, «с целью взять и удерживать г-жу Б. в качестве заложницы», напал на г-жу. Б. и силой удерживал ее, вынуждая его жену г-жу. I. привезти их общую маленькую дочь. По прибытии сотрудников полиции г-н П. стал требовать от них это (а также бутылку водки и автомат), сделав выполнение требований условием освобождения матери своей жены. удерживался в заложниках, которого угрожал убить. В результате г-жа Б. была освобождена полицейскими, применившими огнестрельное оружие. Очевидно, что в данном случае действия г-на П., угрожал своей семье в нетрезвом виде, далеки от терроризма в его международно-правовом и просто рациональном понимании, что, однако, не помешало суд исходил именно из этой квалификации, согласно которой г-н П. был приговорен к 7 годам лишения

свободы. Таким образом, законодательство Российской Федерации против захвата заложников имеет долгую историю развития и сосуществования с родственными (аналогичные) правонарушения.

В то же время в российском уголовном праве и доктрине уголовного права доминировало представление об этом акте как о похищении человека, за которое оно всегда квалифицируется как тяжкое преступление с суровым наказанием. Преступление до 1987 года отсутствовало в национальном уголовном законодательстве, которое применяло нормы посягательства на свободу в виде незаконного задержания, лишения свободы, похищения и лишения свободы. Выделение захвата заложников явилось следствием как значительных увеличение количества подобных случаев и развитие международного права в сфере противодействия международному терроризму.

Сегодня захват заложников, наряду с другими террористическими преступлениями, представляет угрозу как для всего мирового сообщества в целом, так и для отдельного человека. государство в частности. Не умаляя важности индивидуальной личности заложника, характеризующейся такими преимуществами, как жизнь и здоровье, мы подчеркиваем, что отличительной чертой этого преступления является объект - общественная безопасность. Проблемы квалификации преступлений, встречающиеся на практике, требуют анализа генезиса нормы захвата заложников, изучения истоков отечественного законодательства.

1.2 Захват заложников: зарубежная практика

Взятие заложников было популярной тактикой экстремистов на протяжении тысяч лет. Согласно определению международного права, захват заложников — это «захват или задержание и угроза убийства, ранения или продолжения задержания человека с целью заставить третью сторону совершить какое-либо действие или воздержаться от него в качестве явного

или подразумеваемого условия для освобождения задержанного или задержанного лица». Другими словами, заложник — это лицо, взятое силой для обеспечения требований взятого. Некоторые из наиболее распространенных целей захвата заложников заключались в том, чтобы требовать выкуп, чтобы собрать средства для дела террористов, вызвать сочувствие к делу и мгновенно привлечь внимание СМИ. Другие причины включали использование заложников для вербовки новых членов, а также в качестве средства вымогательства, чтобы заставить власти пойти на компромиссы, включая освобождение заключенных членов группы и других политических заключенных.

Если цель захвата заложников состоит в том, чтобы вызвать сочувствие к какой-либо конкретной причине или привлечь новых членов из пропаганды, вызванной этим событием, то в интересах террористов, чтобы инцидент с захватом заложников закончился мирным путем. В этом случае заложники рассматриваются как средство для достижения цели, а не как намеченная цель. Во многих из этих случаев похитители заложников готовы вести переговоры с властями. С другой стороны, если целью захвата заложников является привлечение массового внимания СМИ к делу, которое поддерживают экстремисты, и если экстремист готов умереть по этой причине, заложник может рассматриваться как одноразовый предмет. В таких случаях захватчики заложников могут быть готовы причинить им вред или убить заложников, чтобы привлечь как можно больше заголовков. Террористы, которым «нечего терять» и которые готовы умереть за свое дело, являются наиболее опасными типами захватчиков заложников, и с ними сложнее всего вести переговоры.

Другой тип сценария захвата заложников, в котором заложник рассматривается как расходный материал, — это сценарий похищения и убийства. В соответствии с этим некоторые экстремисты занимались захватом заложников с фиксированным намерением убить своих заложников, чтобы вызвать массовое внимание СМИ и страх. Эти типы террористов редко готовы вести переговоры с властями, а если и когда они это сделают, то зачастую

только с намерением привлечь внимание СМИ к делу или «подтолкнуть власти». Это был случай недавнего захвата заложников и жестокого убийства репортера новостей и редактора Wall Street Journal Дэниела Перла.

Одно из первых письменных свидетельств взятия заложников можно найти в Книге Бытия, главе 14 христианской Библии. Примерно в 1913 г. до н.э. Элот, племянник Аврама, был взят в заложники вместе со всем своим имуществом четырьмя враждующими королями. Пытаясь спасти своего племянника, Аврам взял обученную армию из 318 человек, напал на царей в ночном набеге и спас Лота и все его имущество.

В средние века, когда происхождение слова «заложник» впервые произошло (адаптировано от древнефранцузского *host*), захват заложников был обычной практикой. В соответствии со строгим кодексом чести, заложники были взяты, чтобы обеспечить выполнение договорных обязательств. Как только обязательства были выполнены, заложников вернули туда, где они были взяты. Захват заложников для выполнения договорных обязательств закончился в восемнадцатом веке. В конце восемнадцатого века практика выплаты дани «берберийским» государствам стала обычным явлением. Термин «варвар» происходит от авантюриста шестнадцатого века по имени Барбаросса, «рыжая борода», который в 1510 году захватил Алжир и поставил его под контроль османского султана. В течение восемнадцатого века пираты из четырех африканских стран, Алжира, Марокко, Триполи и Туниса, охотились на торговые суда, плывущие по Средиземному морю, захватывая корабли, команду и грузы и удерживая их для выкупа. В то время как Соединенные Штаты отказались платить выкуп за освобождение американских заложников, многие европейские морские страны согласились заплатить дань берберийским штатам, чтобы их корабли беспрепятственно проходили через воды Средиземного моря.

После ряда инцидентов, когда корабли США были взяты в заложники, США согласились вести переговоры с пиратами. Однако в 1815 году Соединенные Штаты эффективно положили конец североафриканскому

пиратству и использованию американских заложников в качестве разменной монеты, когда флот американских кораблей обрушился на Северную Африку и пригрозил бомбардировкой Алжира. Страны договорились немедленно прекратить пиратство американских кораблей.

Взятие заложников и использование людей в качестве разменной монеты продолжались во всем мире в начале двадцатого века. Пожалуй, один из самых заметных инцидентов с захватом заложников в то время произошел в 1932 году в Соединенных Штатах. Именно в том году был похищен и взят в заложники сын известного американского авиатора Чарльза Линдберга.

Несмотря на то, что Линдберг уступил требованиям заложников в обмен на освобождение его сына, мальчика позже нашли убитым возле семейного дома в Нью-Джерси. Как и в трагическом случае с Линдбергом, за последние тридцать лет произошел ряд громких инцидентов с захватом заложников, в том числе кризис с заложниками в Мюнхене в 1972 году, кризис с заложниками в Иране 1979 года, захват и захват заложников, совершенный TWA в 1985 году, и захват заложников в посольстве Перу в 1996 году кризис. Каждый продемонстрировал, что некоторые инциденты с захватом заложников террористами могут привести к смертельному исходу.

Кризис с заложниками на Олимпийских играх в Мюнхене. Рано утром 5 сентября 1972 года группа из восьми до зубов вооруженных палестинских террористов перелезла через ограждение по периметру Олимпийской деревни в Мюнхене, Германия, вошла в квартиры, где размещалась израильская олимпийская сборная, и взяла в заложники одиннадцать человек, убив двух из заложников. Взяв в заложники израильских спортсменов, террористы из группировки «Черный сентябрь» потребовали освободить более двухсот политических заключенных, содержащихся в израильских тюрьмах, в обмен на освобождение их заложников. Они заявили, что казнят израильских спортсменов, если их требования не будут выполнены.

Согласно книге Саймона Риве «Один день в сентябре: история резни на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене» (2000), когда израильский

премьер-министр Голда Меир столкнулся с требованиями террористов, первой реакцией израильского премьер-министра было то, что Израиль не пойдет на сделку с террористами. Несмотря на то, что немецкие власти были готовы пойти на компромисс с террористами, израильское правительство категорически отказалось рассмотреть возможность выполнения каких-либо требований. Столкнувшись с отказом правительства Израиля вести переговоры, власти Германии согласились с тем, что их первоначальной реакцией будут переговоры, а не применение силы. Группа немецких переговорщиков в течение дня постоянно встречалась с террористами «Черного сентября». В какой-то момент во время переговоров ряд немецких политиков и переговорщиков предложили променять себя на заложников, но террористы из Черного сентября отказались, зная, что их лучший шанс заставить Израиль уступить их требованиям лежит на израильских олимпийских спортсменах. Без ведома заложников Израиль не собирался выполнять какие-либо требования террористов. К вечеру террористам стало очевидно, что израильское правительство не желает выпускать их список заключенных. Затем захватчики изменили тактику, потребовав от властей Германии предоставить им два самолета, которые доставят их в Каир, Египет. Если Израиль не освободит политических заключенных и не отправит их в Каир на встречу с захватчиками заложников, то израильские спортсмены будут казнены. Немецкие власти не собирались позволять террористам «Черного сентября» покинуть страну и разработали план по спасению спортсменов, когда они прибудут в местный аэропорт. Поздним вечером 5 сентября два вертолета доставили террористов и их пленников на аэродром под Мюнхеном. Попытка спасения, предпринятая немецкими властями, провалилась, террористы узнали о плане, и после смертельной перестрелки все девять оставшихся израильских заложников, пять террористов и один немецкий полицейский были убиты.

Активная борьба с терроризмом началась в XX веке с 1960-х годов. Это обусловлено тем, что появились конвенции Организации Объединенных

Наций (ООН): Конвенция «О преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов» (Токио, от 14 сентября 1963 г.); Конвенция «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов» (Гаага, от 16 декабря 1970 г.); Конвенция «О предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов» (Нью-Йорк, от 14 декабря 1973 г.); Конвенция «О борьбе с захватом заложников» (Нью-Йорк, от 17 декабря 1979 г.); Конвенция «О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства» (Рим, от 10 марта 1988 г.).

Таким образом, мы видим, что Организация Объединенных Наций большое внимание уделяет вопросам терроризма. Совместно с этим координирующую роль Организации Объединенных Наций выражают желание заниматься этим вопросом и остальные члены ООН: Комитет ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней; Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. С середины 1970-х годов проблема терроризма обсуждалась на каждой сессии ООН. С середины 1990-х годов мировое сообщество начали координировать свои действия по борьбе с терроризмом. В 1996 году прошла встреча на высшем уровне в Египте, где встретились главы государств России (Ельцин) и США (Клинтон). На этой встрече обсуждались вопросы по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке и борьбы с терроризмом.

После трагичного террористического акта в США 11 сентября 2001 года. Кофи Аннан (Генеральный секретарь ООН) после этого теракта признал, что терроризм является главной проблемой и призвал все государства объединять в борьбе с этой проблемой. После слов Генерального секретаря ООН Совет безопасности ООН 28 сентября 2001 года принял антитеррористическую резолюцию, где были прописаны действия борьбы с терроризмом. В которой говорилось, что: государства не должны допускать развития террористических действий на их территории; если на территории государства

происходит планирование или финансирование терроризма, то эти люди должны быть наказаны по закону; так же, важно, чтобы противозаконные действия судились по наиболее строгим внутригосударственным законам. Комитет Генеральной Ассамблеи принял резолюцию в ноябре 2001 года, содержащих группу мер, направленных на войну с интернациональным терроризмом, где был призыв для всех государств отказаться от материальной помощи терроризму. ООН является главной организацией, которой под силу внести огромный вклад в борьбу с терроризмом.

Таким образом, Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам имеет огромный опыт в борьбе с наркотиками, транснациональной преступности и терроризмом. Террористические акты направлены на массовое скопление людей, чем больше жертв, тем для них лучше. Они считают, что через большое количество жертв они смогут доказать правоту своих действий. В 2001 году резолюцией Совета безопасности был утвержден контртеррористический комитет. Этот комитет призван координировать антитеррористическую работу и оказывать помощь другим государствам в борьбе с терроризмом. Затем был создан Исполнительный директорат контртеррористического департамента. Со временем развития этого комитета они вышли за рамки лишь чтения докладов, стали посещать государства, где необходима помощь в борьбе с терроризмом. Кофи Аннон объявил, что необходимо создать несколько мер, которые помогут в борьбе с терроризмом. Он заявил, что необходимо создать информационный справочник, который будет включать в себя информацию об органах, которые будут оказывать в борьбе с терроризмом и он должен включать базовую информацию о террористических организациях. Также, создать координаторов информационного потока в каждом государстве, которые помогут лучше совершать обмен информацией и создастся своеобразное информационное поле. Затем укрепить связь между различными видами организаций, а именно международными, региональными и

субрегиональными. И привлекать новых субъектов в заключение договоров, направленных против террористической деятельности. Еще важно заметить, что Генеральный Секретарь ООН призвал заключать неофициальные договоренности, которые будут доказывать стремление в сплочённой борьбе с терроризмом. Российская Федерация активно занимается вопросом борьбы с терроризмом и защите своих граждан.

31 мая 2019 года в Цюрихе вооруженный мужчина задержал двух женщин. Переговоры с полицией провалились, преступник убил заложников, а затем покончил жизнь самоубийством. В январе 2019 года еще один инцидент произошел в отделении Suntrust Bank в Себринге, Флорида. Подобные события десятки стали происходить и в других странах. В литературе по уголовному праву термин «заложник» обычно используется для обозначения лица, которое взято и далее задержано с целью принуждения властей, организаций или отдельных лиц к совершению преступления, формировать или не совершать определенное действие под угрозой убийства, причинения вреда или дальнейшего задержания задержанного. С точки зрения цивилизационного подхода, то есть с морально-этической точки зрения, захват заложников традиционно признается «одним из самых неприятных случаев».

В соответствии с Международной конвенцией о борьбе с захватом заложников (далее - Конвенция) захват заложников считается проявлением международного терроризма. Таким образом, было установлено, что любой, кто берет или удерживает заложника, угрожает убийством, нанесением телесных повреждений, чтобы заставить третью сторону (государство, международную организацию, физическое или юридическое лицо совершить или не совершить определенные действия, в качестве условия освобождения заложника) совершает преступление по захвату заложника.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ

2.1 Объективные признаки захвата заложника

Захват заложников – одно из наиболее резонансных преступлений, общественная опасность которого настолько велика, что законодатель посчитал обоснованным отнести его к категории тяжких преступлений. Согласно статистическим данным ГИЦ МВД России, количество преступлений, квалифицируемых по ст. 206 УК РФ имеет устойчивую тенденцию к снижению. Между тем, даже при снижении количества захватов заложников, совершение даже единичного случая данного преступления характеризуется причинением существенного материального вреда и морального ущерба. Судебная практика свидетельствует о том, что квалификация по уголовным делам о захвате заложников осложнены уголовно-правовой конструкцией ст. 206 УК РФ, проблемными вопросами отграничения от смежных составов преступлений, а также проблемами понятийного аппарата уголовного законодательства. Именно в этой связи представляется важным и необходимым проведение научного анализа проблем квалификации захвата заложников. Рассмотрим отдельные проблемы квалификации захвата заложника.

Данное преступление имеет сложный состав, так как включает в себя ряд самостоятельных действий, каждое из которых априори образует состав уголовно-правового деликта. Во-первых, это непосредственно захват самого лица в качестве заложника. Во-вторых, это удержание данного лица. В-третьих, это выдвижение делинквентом каких-либо требований. При этом адресоваться данные требования могут как публично-правовому образованию (в частности, государству), так и организации либо же частному лицу.

Основной объект преступления - общественная безопасность.

Дополнительный объект - свобода человека, неприкосновенность личности. Факультативный объект - отношения по охране здоровья и жизни человека, собственности [11, с. 128].

Спецификой данного преступления и является то обстоятельство, что путем захвата заложника и угрозы причинения ему вреда виновный оказывает воздействие на третье лицо и пытается добиться от него совершения желаемых действий или воздержания от них как условия освобождения заложника.

Объективная сторона преступления выражается в совершении хотя бы одного из двух действий:

- захвате;
- удержании лица в качестве заложника с предъявлением государству, организации или гражданину какого-либо требования как условия освобождения заложника.

Соответственно сложносоставная объективная сторона захвата заложников может проявляться в совокупности действий. При этом законодатель сформулировал части 1 и 2 как формальные, а части 3 и 4 данного деликта как материальные, поэтому захват заложников необходимо признавать деянием с формально-материальным составом.

При этом, в состав действий, образующих объективную сторону, включаются как, собственно, сам захват, так и удержание. Следует отметить, что законодатель сформулировал данные дефиниции таким образом, что возможно их квалификационное разграничение. Захват заложника в его доктринальном понимании представляет собой совершение виновным комплекса действий, опосредованных применением насилия (причем не выделено – физического или психического характера, а значит законодатель признает возможным применение обоих этих видов насилия) либо же с применением оружия (а равно – с угрозой его применения). Следует отметить, что захват является кратковременным действием и совершается для последующего удержания заложника [6, с. 17].

Задержание, в свою очередь, представляет собой ограничение свободы заложника, включающее лишение его воли на свободу передвижения (к примеру, связывание, запираение в комнате). Сам заложник или окружающие лица должны понимать и осознавать происходящее и подчиняться требованиям делинквента в силу применения последним насилия. Необходимо подчеркнуть, что такое насилие не должно быть опасным для жизни или здоровья, т.е. оно может включать в себя действия, связанные с причинением физиологических болевых ощущений либо же содержать в себе угрозу таких действий. Кроме того, угроза может касаться не только причинения боли, но также и имущества, конфиденциальных сведений из частной жизни потерпевшего и т.п. При этом форма угрожающих действий не имеет квалификационного значения, хотя сама угроза должна иметь характер реальной опасности и именно в данном качестве она выступает средством управления волей потерпевшего.

В той ситуации, когда применяется насилие, представляющее реальную угрозу жизни либо здоровью, квалификация деяния происходит по ч. 2 ст. 206 УК РФ. При этом дополнительной квалификации по статьям 116 или 117 УК не требуется, так как квалифицированный состав рассматриваемого уголовно-правового деликта «поглощает» составы данных преступлений. Хотелось бы отметить, что применение данного понятия в свете разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ, не вызывает научных дискуссий.

Поддерживая данный подход, считаем целесообразным поддержать мнение тех ученых, которые предлагают включить в него и истязание. Исследуя данный признак, хотелось бы остановиться на таком моменте: законодатель формулирует ч. 2 ст. 206 УК РФ указывает в качестве признака насилия его опасность для жизни и здоровья потерпевшего. Между тем, судебная практика не включает в понятие насилия умышленного причинения смерти и именно поэтому законодатель предусмотрел ч. 4 в ст. 206 УК, устанавливающую ответственность за данное последствие. При умышленном

причинении смерти заложнику деяние квалифицируется исключительно по ч. 4 ст. 206 УК РФ. Данная позиция поддерживается многими учеными, а также и судебными органами, которые в разъяснениях о правилах квалификации смежных составов, указывают на то, что наступление смерти как последствие умысла делинквента влечет за собой квалификацию по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ. Противники данной позиции считают, что она противоречит судебной практике самого Верховного Суда, который в Постановлении «О судебной практике по делам об убийстве» указал, что «совершение преступлений, сопряженных с убийством, требует дополнительной квалификации». Кроме того, сторонники данной позиции апеллируют к категоричности рассматриваемых уголовно-правовых деликтов. Убийство – наиболее тяжкое преступление и оно не может «поглощаться» иными составами, так как это нивелирует значимость объекта убийства. Нелогичность позиции законодателя прослеживается и в том, что в смежных составах преступлений (ст. 126 и 127 УК РФ) подобного квалифицирующего признака нет. Соответственно, квалификация осуществляется по правилам совокупности преступлений. При этом, ч. 2 ст. 105 УК РФ относится к категории особо тяжких преступлений, предусматривая наказание вплоть до пожизненного лишения свободы. Тем самым законодатель не соблюдает логическую последовательность при определении общественной опасности указанных деяний, определяя в случае убийства при похищении человека или незаконном лишении свободы деяния, предусмотренные ст. 127 и 126 УК РФ, более общественно опасными, чем захват заложника.

2.2 Субъективные признаки захвата заложника

Субъективные признаки состава преступления в соответствии с общепризнанной точкой зрения включают в себя субъективную сторону и субъект преступления.

Субъективная сторона состава преступления - это психическая деятельность лица, связанная с совершением преступления, которая образует психическое содержание любого преступления. Процессы, происходящие в психике виновного, могут быть познаны в большинстве случаев путем анализа и оценки внешнего поведения лица. Ряд постановлений пленумов Верховного Суда РФ, как содержащих руководящие разъяснения по применению уголовно-правовых норм, так и по конкретным делам, включают требования, направленные на полноценный анализ признаков субъективной стороны состава любого преступления. Эти положения особенно важны, когда мы ведем речь о преступлениях, связанных с захватом заложника.

Субъективная сторона анализируемого общего состава преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла и наличием специальных целей. Лишь один квалифицированный состав захвата заложника связан с наличием определенного мотива преступления - корыстные побуждения. Сознанием виновного должны охватываться все обстоятельства совершенного преступления, в том числе и все квалифицирующие признаки.

Виды умысла (прямой и косвенный) законодательно закреплены в ст. 25 УК РФ. Прямой умысел в соответствии с названной уголовно-правовой нормой - если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Более точным определением прямого умысла, на наш взгляд, является указание не только на осознание виновным общественной опасности, но и на то обстоятельство, что в отдельных случаях, в конкретной ситуации нормальный «средний» человек, признаваемый впоследствии судом виновным, не может не осознавать общественную опасность своих действий или бездействия, а также не может не предвидеть наступление общественно опасных последствий [39].

Относительно преступлений с формальным составом, к которым условно можно отнести и захват заложника, данное определение прямого

умысла, имеющееся в ст. 25 УК РФ, не совсем корректно в связи с тем, что моментом окончания данного посягательства является момент совершения общественно опасного деяния, связанного с захватом или удержанием лица в качестве заложника, вне зависимости от наступления общественно опасных последствий. По этой причине требуется корректировка редакции ст. 25 УК РФ, направленная на уточнение понятия прямого умысла применительно к преступлениям с формальным и усеченными составами. Более точной и правильной была бы следующая редакция данной уголовно-правовой нормы: «Деяние признается совершенным с прямым умыслом в преступлениях, составы которых имеют прямое указание на наступление общественно опасных последствий, если лицо осознавало или не могло не осознавать общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело или не могло не предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. Деяние признается совершенным с прямым умыслом в преступлениях, составы которых не имеют указания на наступление общественно опасных последствий, если лицо осознавало или не могло не осознавать общественную опасность своих действий или бездействия и желало его совершения» [9, с. 28].

Прямым умыслом применительно к захвату заложника является осознание виновным общественной опасности своих действий и желание их совершения. Осознание виновным общественной опасности захвата заложника предполагает фактическое понимание им характера и социальной значимости тех общественных отношений, на которые он посягает, совершая преступление, понимание содержания своих действий, а также понимание фактических обстоятельств совершенного (места, времени, обстановки, орудий и средств совершения преступления и т.д.). Виновный при этом не может не осознавать и противоправности совершаемых им действий, однако это необязательно, главное — осознание именно общественной опасности.

Данное преступление не может быть совершено с косвенным умыслом, что характерно для преступлений с формальным и усеченным составами, так как волевое содержание данного вида умысла закон связывает с сознательным допущением или безразличным отношением исключительно к наступлению общественно опасных последствий, входящих в объективную сторону только материальных составов.

Видами умысла при захвате заложника по моменту его возникновения могут быть как внезапно возникший, так и заранее обдуманный. Внезапно возникший умысел на захват заложников можно рассмотреть на примере захвата заложников в исправительных учреждениях. М.В. Лопина, А.В. Новиков, Д.Н. Слабкая на основе анализа пенитенциарной практики выделяют следующие причины (цели) захвата заложников:

- получение выкупа;
- совершение побега из исправительного учреждения;
- уход от преследования после совершения преступления;
- влияние на решения следователя, судьи, эксперта;
- стремление решить «политическую задачу» и т.д.

Так, спонтанные захваты заложников в пенитенциарных учреждениях характеризуются:

- фрагментарностью и неустойчивостью функционально-ролевых обязанностей преступников;
- наличием разногласий в их среде в отношении выдвигаемых требований и степени их отстаивания;
- в число заложников попадают случайные лица (например, осужденные или сотрудники исправительного учреждения – невольные свидетели другого преступления);
- отсутствием детально разработанного плана действий, средств связи, достаточного количества оружия и т. д.;
- место в пенитенциарном учреждении, в котором удерживаются заложники, обычно является малоприспособленным для этой цели,

слабо контролируется ими, непригодно для длительного противостояния, пути отхода отсутствуют [12].

Рассмотрим пример из судебной практики. Польшгалов Д.В., отбывающий наказание в виде лишения свободы в колонии-поселении ГУФСИН по Пермскому краю, признан виновным в захвате и удержании лица в качестве заложника, совершенном в целях понуждения гражданина совершить определенные действия как условие освобождения заложника, с применением предмета, используемого в качестве оружия, в отношении заведомо несовершеннолетнего, а также в покушении на побег из места лишения свободы, совершенный с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия. Осужденный Польшгалов и защитник - адвокат Роднов З.В. в апелляционных жалобах просят приговор отменить, прекратить уголовное преследование Польшгалова по ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 313 УК РФ, исключить из обвинения квалифицирующие признаки, предусмотренные п. п. «г», «д» ч. 2 ст. 206 УК РФ, переqualифицировать содеянное им со ст. 206 на п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, а также снизить срок окончательного наказания, которое не соответствует тяжести совершенного преступления и его личности. Осужденный в дополнительных жалобах утверждает о том, что выводы суда, изложенные в приговоре, не соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела и не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании. Суд не исследовал постановление о признании и приобщении к делу вещественного доказательства - кухонного ножа, а огласил только протокол осмотра предметов, в связи с чем обвинение в части наличия в его действиях квалифицирующего признака, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ, не доказано. Его действия в отношении потерпевшей были обусловлены желанием привлечь к себе внимание со стороны администрации колонии, чтобы за допущенное нарушение его поместили в штрафной изолятор и перевели на прежний режим отбывания наказания. Нож с собой он взял случайно, захватывать заложника и причинять ему вред не собирался, а

потерпевшая сама порезала себе щеку об острие ножа либо данный порез появился у нее в процессе задержания [3].

Спонтанные захваты заложников в местах лишения свободы чаще имеют протестный характер и обуславливаются следующими причинами: несправедливым, с точки зрения осужденных, обращением, якобы необоснованным ужесточением режима отбывания наказания, в результате которых наиболее авторитетная часть осужденных лишается «теневых привилегий»; провоцирующими действиями асоциальных группировок осужденных, направленных на создание напряженности в стенах пенитенциарного учреждения. Например, искусственно создается острая конфликтная ситуация, либо следует прямое указание преступных лидеров. В этих случаях следует ожидать массовых беспорядков с последующим предложением посредничества со стороны криминальных структур или их отдельных представителей, а также нарастание побеговой активности осужденных или иных деструктивных проявлений; уходом от уголовной ответственности за совершение деяний, сопряженных с хищениями наркотических или спиртосодержащих веществ из медпункта исправительного учреждения и появлением неожиданного свидетеля.

Таким образом, субъективная сторона захвата заложника характеризуется прямым умыслом.

Обязательный признак субъективной стороны преступления - цель виновного понудить государство, организацию или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника.

Характер предъявляемых виновным требований не имеет значения для квалификации. Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

2.3 Квалифицирующие признаки захвата заложника

Квалифицирующие признаки захвата заложника предусмотрены ч. 2 ст. 206 УК РФ. К ним относятся:

- захват заложника, совершенный группой лиц по предварительному сговору (п. «а»). В состав такой группы входят соисполнители, т.е. лица, каждый из которых полностью или частично выполняет объективную сторону захвата заложника. Предварительный сговор означает достижение соглашения о совместном выполнении преступного деяния до начала выполнения его объективной стороны. Для захвата заложника характерен заранее обдуманый умысел, тщательная подготовка совершения преступления, распределение ролей в рамках соисполнительства [4];
- применение насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в»). Под насилием, опасным для жизни или здоровья, понимается легкий, средней тяжести и тяжкий вред здоровью. Под применением такого насилия понимается фактическое причинение какого-либо вреда здоровью, либо совершение действий, хоть и не повлекших причинения вреда здоровью, но создававших реальную опасность наступления последствий такого рода для заложника либо лиц, пытавшихся воспрепятствовать захвату;
- применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «г»). В соответствии с Федеральным законом от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» различаются огнестрельное, холодное, газовое, пневматическое оружие. Предметы, используемые в качестве оружия при захвате заложника, — любые предметы, пригодные для причинения вреда здоровью или жизни заложника (палки, камни, кухонные ножи, топоры, велосипедные цепи и т.д.). Под применением оружия понимается как использование его для причинения вреда здоровью, так и угроза его немедленного

применения. Подробнее признак применения оружия проанализирован применительно к составу разбоя (ст. 162 УК РФ). Здесь же следует дополнительно отметить, что если лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например макетом пистолета, не намереваясь использовать эти предметы, действия виновного (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать по ч. 1 ст. 206 УК РФ. Кроме того, применением оружия следует признавать использование всех его поражающих свойств (например, использование приклада, штыка);

- захват заложника, совершенный в отношении заведомо несовершеннолетнего (и. «д»). Заведомость означает, что виновное лицо достоверно знало о возрасте потерпевшего лица (являлось родственником, знакомым, соседом) или когда внешний облик потерпевшего лица явно свидетельствовал, например, о его возрасте. Добросовестное заблуждение, возникшее на основании того, что возраст потерпевшего приближается к 18-летнему или в силу акселерации он выглядит взрослее своего возраста, исключает вменение виновному лицу данного квалифицирующего признака;
- захват заложника, совершенный в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. «е»). В данном случае лицо, захватывающее женщину в заложницы, должно быть осведомлено о ее беременности. При этом для квалификации не имеет значения срок беременности и источник знания о ней виновного;
- совершение преступления в отношении двух или более лиц (п. «ж»). Этот квалифицирующий признак вменяется в тех случаях, когда единым умыслом виновного охватывается совершение захвата двух

или более заложников. При этом не требуется, чтобы захват потерпевших проводился одновременно [11].

При разновременном возникшем умысле на захват заложников действия виновного нужно квалифицировать по совокупности преступлений. В то же время следует отметить, что на практике известны случаи квалификации преступления в отношении двух или более лиц независимо от единовременности или разновременности возникновения умысла;

- наличие корыстных побуждений при захвате заложника (п. «з»). Под корыстными побуждениями понимается стремление получить материальную выгоду для себя или других лиц (деньги, имущество или право на имущество и т.и.) либо избавление от материальных затрат (возврата имущества, выполнения имущественных обязательств и т.п.). То есть при таком захвате заложника освобождение потерпевшего ставится в зависимость от выполнения требования имущественного характера.

Так, Фахруллина Г.Ф. признана виновной в: захвате и удержании лица в качестве заложника, совершенных в целях понуждения государства и организации совершить какое-либо действие как условие освобождения заложника, из корыстных побуждений. В апелляционных жалобах (основных и дополнительной) осужденная Фахруллина Г.Ф. и в ее защиту адвокат Загретдинов З.Р. утверждают, что судом первой инстанции не устранены упущения, допущенные судом при первом рассмотрении настоящего дела, отмеченные в апелляционном определении Верховного Суда РФ и послужившие основанием для отмены предыдущего приговора. Также утверждают, что вывод суда о виновности осужденной в совершении указанных преступлений не подтвержден доказательствами, исследованными в судебном заседании, а основан лишь на предположениях. Обращают внимание на отсутствие по делу потерпевших. При этом считают незаконными решения следственных органов и суда о признании потерпевшими С.Г., Г. и Ч., поскольку С. умер своей смертью, а другие названные лица по закону

такого статуса иметь не могут и вред им причинен не был. Указывают на неправильное определение стоимости квартиры С. которая, согласно техническому паспорту, составляет ... руб. Обращают внимание на немотивированный отказ суда о приобщении к материалам дела представленных стороной защиты счетов-фактур по оплате коммунальных услуг по квартире С. Полагают, что в приговоре надлежало подробно изложить показания свидетелей, допрошенных по ходатайству стороны защиты, чего сделано не было. Оспаривают выводы, изложенные в актах судебно-почерковедческих экспертиз, при этом считают, что эксперту были предоставлены образцы почерка С. в недостаточном количестве. Оспаривают решение суда о взыскании с осужденной в пользу потерпевшей К. в счет возмещения морального вреда ... руб.

Просят приговор в части осуждения Фахруллиной за покушение на мошенничество отменить и вынести оправдательный приговор. В остальном просят приговор изменить, переqualificировать действия осужденной с ч. 2 ст. 206 на ст. 330 УК РФ. Вывод суда о виновности Ф. в захвате и удержании сотрудницы нотариальной конторы К. в качестве заложника, совершенного в целях понуждения государства и организации совершить какое-либо действие как условие освобождения заложника, из корыстных побуждений, также основан на доказательствах, тщательно исследованных в судебном заседании.

Приведенный в приговоре анализ показаний потерпевшей К. (сотрудницы нотариальной конторы), свидетелей С.А., А., Д. а также показаний свидетелей Ш.Ж. Ш., К. и Ш. (сотрудников правоохранительных органов), записей с камер наблюдения нотариальной конторы, актов судебно-баллистической и компьютерной экспертиз позволил суду первой инстанции прийти к правильному выводу о том, что осужденная, убедившись в тщетности своих неоднократных попыток получить в нотариальной конторе свидетельство о праве на наследство, и узнав о наложении судом ареста на квартиру, захватила в нотариальной конторе в качестве заложника помощника нотариуса К. и удерживала ее, понуждая сотрудников нотариальной конторы

выдать ей свидетельство о праве на наследство, а государство в лице руководства республики и руководства правоохранительных органов оказать воздействие на них.

Суд первой инстанции, признавая приведенные выше и в приговоре доказательства достоверными и допустимыми, обоснованно сослался на то, что все они согласуются между собой [13].

Таким образом, действия осужденной квалифицированы правильно.

По п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ квалифицируется также захват заложника, совершенный по найму, когда виновный захватывает или удерживает заложника за вознаграждение от третьих лиц. При этом не имеет значения время получения вознаграждения — до или после осуществления захвата заложника, а также характер вознаграждения — деньги, имущество, услуги имущественного характера.

Особо квалифицирующими признаками захвата заложника согласно ч. 3 ст. 206 УК РФ выступают захват заложника, совершенный организованной группой либо повлекший по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия [20].

Содержание данных признаков аналогично соответствующим признакам террористического акта (ст. 205 УК РФ). Однако необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. В отличие от ст. 205 УК РФ, где в настоящее время не содержится указания на форму вины по отношению к иным тяжким последствиям, в ст. 206 УК РФ законодатель устанавливает такую форму, указывая на неосторожность. Поэтому в отличие от террористического акта, где умышленное отношение к причинению тяжких последствий не требует дополнительной квалификации, захват заложника при таких же обстоятельствах должен квалифицироваться по совокупности преступлений [5].

Деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 ст. 206 УК РФ, если они повлекли умышленное причинение смерти человеку, подлежат квалификации по ч. 4 этой статьи и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требуют.

При этом причинение смерти человеку означает причинение смерти не только самому заложнику, но и другим лицам, совершенное виновным в связи с захватом заложника [35].

В соответствии с примечанием к ст. 206 УК РФ лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

В качестве условий освобождения от уголовной ответственности за захват заложника, следовательно, выступают следующие обстоятельства:

- добровольность освобождения заложника по собственной инициативе либо освобождение его по требованию властей;
- отсутствие в действиях виновного иного состава преступления.

Глава 3 Отграничение захвата заложника от смежных составов преступлений

3.1 Отграничение захвата заложника от похищения человека

Глава 17 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ именуется «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» и содержит в себе 6 статей, сущность которых состоит в защите личных неимущественных благ человека. Три из шести составов преступлений данной главы являются смежными между собой. Речь идет о ст. 126 «Похищение человека», ст. 127 «Незаконное лишение свободы» и ст. 206 «Захват заложника». Все три перечисленных состава обладают схожими признаками, и для их разграничения необходимо проанализировать особенности объективной стороны каждого деяния, а также выделить иные признаки для их разграничения. Для того, чтобы охарактеризовать данные составы преступлений, а также выделить критерии их разграничения, дадим краткую характеристику указанных преступлений [21].

Так, похищение человека, это «его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют» [28, с. 136]. В свою очередь незаконное лишение свободы это, согласно ч. 1 ст. 127 УК РФ, «незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением» [35]. Возникает закономерный вопрос, как отграничить незаконное лишение свободы от похищения. Согласно мнению специалистов, похищение, это, прежде всего, перемещение лица в место, которое заранее или в последующем не известно никому, кроме субъектов преступления [41, с. 236]. При этом исследователи не единодушны в решении данного вопроса. Так, А.В. Наумов указывает, что похищение совершается против воли субъекта, а незаконное лишение свободы подразумевает, что в местах, в

которых лицо не должно находиться, оно оказывается по собственной воле [26, с. 55].

Мы видим, что для обоих составов, по сути, мотив совершения преступления не важен. В случае совершения любого из этих преступлений потерпевший ограничен в свободе передвижения. В случае с захватом заложника необходимо отметить, что ч. 1 ст. 206 УК РФ устанавливает, что захват заложника - это «захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника».

К числу общих признаков захвата заложников и похищения следует отнести их субъекта –вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет. Незаконное лишение свободы наказуемо с 16 летнего возраста. Однако на этом сходство похищения и захвата заложника практически заканчиваются. Данные составы различаются между собой по объекту посягательства [22].

Согласно статье 206 Уголовного кодекса Российской Федерации, объективной стороной состава преступления «Захват заложника» составляют захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника [31, с. 69]. Составы преступления, предусмотренные частью 1 статьи 126, частью 1 статьи 206 УК РФ и часть 1 статьи 127 УК РФ являются формальными. То есть при совершении этих преступлений, вред охраняемым законом отношениям причиняется самим деянием, независимо от наступления последствий [2]. Поскольку состав преступления, предусмотренного статьёй 206 УК РФ, помещён в главу под названием «Преступления против общественной безопасности», поэтому непосредственным объектом данного преступления будут являться общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, как это было установлено при рассмотрении объекта исследуемого состава.

Похищение человека, как состав преступления, помещён в главу под названием «Преступления против свободы, чести и достоинства личности». Там же содержится и состав преступления, предусмотренного статьёй 127 УК РФ. Таким образом, при похищении человека и незаконном лишении свободы, непосредственным объектом являются отношения, обеспечивающие свободу, честь и достоинство личности. Однако, при захвате заложника, отношениям по обеспечению свободы человека вред причиняется уже как дополнительному объекту. В связи с этим, можно сделать вывод, что захват заложника отличается от похищения человека и незаконного лишения свободы по объекту посягательства. Формулировка статьи 127 УК РФ исключает все действия, подпадающие под состав похищения человека. Но по моему мнению, исключается только перемещение человека с одного места в другое. Отличием является то, что при захвате заложника, в отличие от похищения человека и незаконного лишения свободы, в объективную сторону включается также предъявление соответствующим адресатам определённых требований. Что касается лица, которое подвергается воздействию путём завладения (захвата), то при захвате заложника, в большинстве случаев, виновный его не знает и его личность его не интересует, оно является лишь средством давления на адресата. При захвате заложника у виновного, как правило, также отсутствует какие-либо личные претензии к захватываемому.

При похищении человека и незаконном лишении свободы, наоборот характерно то, что виновный знает потерпевшего, его личность имеет значение для похитителя и это обуславливает его поведение. Можно сделать вывод, что личность потерпевшего является критерием разграничения таких смежных составов, как похищение человека, незаконное лишение свободы и захват заложника [1]. По субъективной стороне преступления отличаются целью. Так, цель при похищении человека и незаконном лишении свободы может быть абсолютно разной. А при захвате заложника, преступник преследует цель понудить государство, общество или гражданина совершить какие-либо действия, либо воздержаться от их совершения.

Также, если говорить об адресате требований и их характере при захвате заложника и такого квалифицирующего состава похищения человека, как его похищение из корыстных побуждений, можно выделить следующее. При похищении человека из корыстных побуждений, требования предъявляются обычно к родственникам потерпевшего или иным близким ему лицам [29, с. 131]. При захвате заложника требования могут предъявляться государству, организации или гражданину. А сами требования направлены на совершение каких-либо действий или воздержание от их совершения третьими лицами [23].

Еще одним отличием данных составов является то, что ст. 127 УК РФ не предусматривает наличие в действиях преступника угроз применения насилия или применение насилия, корыстные мотивы. Похищение следует отличать от захвата заложников по ряду признаков. Прежде всего это цель совершения преступления. Формулировка диспозиции ст. 206 УК РФ прямо предусматривает цель данного состава – понуждение государства, организаций, или гражданина совершить определенное действие или воздержаться от его совершения. В составе преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ цель не имеет значения, а совершение деяния с корыстными мотивами является квалифицированным составом [34].

Кроме того, с объективной стороны данные составы также различаются, поскольку похищение подразумевает перемещение лица, тогда как захват заложников с перемещением может быть не связан. Что касается потерпевших, или мотивов преступления, необходимо отметить, что при захвате заложников для преступников не важно, кого они захватывают. Личных претензий к заложникам они не имеют, для преступников важны только требования, выдвигаемые к государству, органам или организациям, тогда как при незаконном лишении свободы ее лишается определенное лицо, которое преступники выбрали заранее. Еще одним отличием следует выделить то, что, совершая похищение или незаконное лишение свободы преступники стараются не придавать особой огласки своим действиям, о том, что лицо

похищено или лишено свободы либо не сообщается никому, либо только близким родственникам для того, чтобы они совершили определенные действия в пользу преступников (или воздержались от совершения таковых). При захвате заложников создается большой информационный резонанс, преступление совершается в публичных местах, с большим скоплением людей [33].

Различаются рассматриваемые преступления также и по моменту окончания преступления. Так, захват заложника окончен в момент захвата (удержания) лиц, тогда как незаконное лишение свободы окончено с момента лишения потерпевшего возможности самостоятельно выбирать место пребывания, а похищение, в свою очередь, окончено с момента начала перемещения потерпевшего в другое место против его воли. Факт угроз или выдвижения требований для квалификации содеянного не имеет значение. С субъективной стороны все три состава характеризуются прямым умыслом.

Наиболее главным отличием захвата заложника от похищения человека и незаконного лишения свободы является публичность совершаемого деяния. Такие преступления как захват заложника обычно имеют публичный характер, о них сообщается широкому кругу лиц, иногда с использованием СМИ. Также публичностью обладает такой необходимый элемент данного преступления, как предъявление требований. Они также могут быть распространены с использованием СМИ или же оглашены в общественных местах, таких как школы, аэропорты, больницы, театры, стадионы и другие общественные места. Кроме того, требования могут предъявляться без использования СМИ и не в общественных местах, но тем не менее носить публичный характер, например, когда они предъявляются государственным органам, общественно-политическим организациям, общественным и государственным деятелям [32, с. 226].

При совершении таких преступлений, как похищение человека или незаконное лишение свободы, требования, при их наличии, исключают публичности [40, с. 97].

Таким образом, рассмотрев отдельные аспекты квалификации преступлений, предусмотренных ст. 126, 127, 206 УК РФ следует отметить, что, несмотря на определенные недостатки построения уголовного закона и диспозиции статей, разграничение составов по элементам состава преступления позволяет разграничить их между собой и правильно квалифицировать содеянное. Однако полагаем, что текст уголовного закона нуждается в доработке в части установления в диспозициях статей понятий похищения и захвата заложника для того, чтобы различия в них были очевидны и можно было бы избежать проблем квалификации данных действий. Так, предлагаем дополнить ст. 126 УК РФ определением похищения, частично заимствовав его из Постановления Пленума ВС РФ No 58, изложив в следующей редакции: «похищение человека это его незаконные захват, перемещение в место, отличное от места его проживания, и последующее удержание». Ст. 127 УК РФ также нуждается в дополнениях в части установления понятия «незаконное лишение свободы». Предлагаем изложить его в следующем виде: «Незаконное лишение свободы — это полное ограничение свободы передвижения человека». Таким образом полагаем, что благодаря предложенным нами определениям похищения и незаконного лишения свободы будет проведена точная грань разделения данных составов преступления.

3.2 Отграничение захвата заложника от террористического акта

Отграничение захвата заложника (ст. 206 УК РФ) от террористического акта (ст. 205 УК РФ) можно проводить по дополнительному непосредственному объекту, объективной стороне, потерпевшему, целям и условиям освобождения от уголовной ответственности [24].

Дополнительным непосредственным объектом террористического акта являются общественные отношения, обеспечивающие: безопасность жизни или здоровья личности; права собственности, не связанные с порядком

распределения материальных благ; нормальное функционирование органов власти и международных организаций. Дополнительным непосредственным объектом захвата заложника являются общественные отношения, обеспечивающие свободу личности [30].

В ст. 205 УК РФ не названы предмет преступления и потерпевший, а это значит, что они не являются обязательными признаками состава террористического акта. В ст. 206 же определен обязательный признак состава – потерпевший, т.е. лицо, захваченное или удерживаемое в качестве заложника [38].

С объективной стороны террористический акт может быть в двух формах:

- в совершении взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий;
- в угрозе совершения указанных действий. Захват заложника будет отличаться от террористического акта по признакам объективной стороны -захватом или удержанием человека.

При совершении данного преступления насилие проявляется только в насильственном ограничении свободы или воспрепятствовании оставить определенное место, также отсутствует опасность для неопределенно широкого круга людей.

Заметим, что террористический акт и захват заложника отличаются также по условиям освобождения от уголовной ответственности: если примечание к ст. 205 УК РФ предусматривает добровольный отказ от совершения преступления на стадии приготовления, то примечание к ст. 206 УК РФ содержит требование об освобождении от уголовной ответственности лица, уже совершившего преступление. Иными словами, в примечании к ст. 205 УК РФ в отличие от примечания к ст. 206 УК РФ указано не на

оконченное преступление, а на освобождение от уголовной ответственности лица, принимавшего участие в подготовке террористического акта [25].

Примечание к ст. 205 УК РФ применяется лишь к случаям подготовки террористического акта, т.е. не распространяется на лиц, угрожавших совершением действий, названных в ст. 205 УК РФ. Рассмотрев уголовно-правовую характеристику захвата заложника, можно сделать следующие выводы:

- несмотря на то, что проблема правильного определения родовой принадлежности захвата заложника неоднократно исследовалась и исследуется как в рамках специальных диссертационных работ, так и в научных трудах в целом, данная проблема по-прежнему остается одной из самых дискуссионных. Между тем правильное определение родового объекта захвата заложника имеет не только существенное теоретическое, но и важное практическое значение;
- вследствие того, что ч. 1 и 2 ст. 206 УК РФ представляют собой формальный состав, а ч. 3, 4 ст. 206 УК РФ – материальный, предлагаем отнести захват заложника к преступлениям с формально-материальным составом;
- логично дополнить п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ указанием на совершение исследуемого преступления с использованием боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ. Подобное уточнение будет более точно и обоснованно характеризовать сущность преступления;
- целесообразно изменить возраст уголовной ответственности с 14 на 16 лет;
- представляется обоснованным поднять вопрос о необходимости признать утратившими силу примечания к ст. 206 УК РФ.

Заключение

Рассмотрев и исследовав уголовно-правовую характеристику захвата заложника и проблемы отграничения от смежных составов преступления, можно подвести итоги проделанной работы. Данное преступление считается особо опасным противоправным деянием, число жертв которого измеряется тысячами человек ежегодно. Сегодня захват заложников, наряду с другими террористическими преступлениями, представляет угрозу как для всего мирового сообщества в целом, так и для отдельного человека. государство в частности. Не умаляя важности индивидуальной личности заложника, характеризующейся такими преимуществами, как жизнь и здоровье, мы подчеркиваем, что отличительной чертой этого преступления является объект – общественная безопасность. Проблемы квалификации преступлений, встречающиеся на практике, требуют анализа генезиса нормы захвата заложников, изучения истоков отечественного законодательства [36].

Организация Объединенных Наций большое внимание уделяет вопросам терроризма. Совместно с этим координирующую роль Организации Объединенных Наций выражают желание заниматься этим вопросом и остальные члены ООН: Комитет ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней; Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. С середины 1970-х годов проблема терроризма обсуждалась на каждой сессии ООН. С середины 1990-х годов мировое сообщество начали координировать свои действия по борьбе с терроризмом. В 1996 году прошла встреча на высшем уровне в Египте, где встретились главы государств России (Ельцин) и США (Клинтон). На этой встрече обсуждались вопросы по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке и борьбы с терроризмом.

Данное преступление имеет сложный состав, так как включает в себя ряд самостоятельных действий, каждое из которых априори образует состав уголовно-правового деликта. Во-первых, это непосредственно захват самого лица в качестве заложника. Во-вторых, это удержание данного лица. В-

третьих, это выдвижение делинквентом каких-либо требований. При этом адресоваться данные требования могут как публично-правовому образованию (в частности, государству), так и организации либо же частному лицу. Основной объект преступления - общественная безопасность [27]. Дополнительный объект - свобода человека, неприкосновенность личности. Сложносоставная объективная сторона захвата заложников может проявляться в совокупности действий. При этом законодатель сформулировал части 1 и 2 как формальные, а части 3 и 4 данного деликта как материальные, поэтому захват заложников необходимо признавать деянием с формально-материальным составом. При этом, в состав действий, образующих объективную сторону, включаются как, собственно, сам захват, так и удержание. Следует отметить, что законодатель сформулировал данные дефиниции таким образом, что возможно их квалификационное разграничение.

Субъективная сторона анализируемого общего состава преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла и наличием специальных целей. Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста [37].

При захвате заложника у виновного, как правило, также отсутствует какие-либо личные претензии к захватываемому. При похищении человека и незаконном лишении свободы, наоборот характерно то, что виновный знает потерпевшего, его личность имеет значение для похитителя и это обуславливает его поведение. Можно сделать вывод, что личность потерпевшего является критерием разграничения таких смежных составов, как похищение человека, незаконное лишение свободы и захват заложника. Различаются рассматриваемые преступления также и по моменту окончания преступления. Так, захват заложника окончен в момент захвата (удержания) лиц, тогда как незаконное лишение свободы окончено с момента лишения потерпевшего возможности самостоятельно выбирать место пребывания, а похищение, в свою очередь, окончено с момента начала перемещения потерпевшего в другое место против его воли.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аветисян А.А. Уголовно-правовой анализ квалифицирующих признаков состава захвата заложников / А.А. Аветисян // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 3 (19). С. 269-271.
2. Актуальные проблемы уголовного права. Учебник / А.В. Грошев и др. –М.: Проспект, 2018. – 560 с
3. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая. Учебник. / под ред. Л.В. Иногамова-Хегай - М. : Проспект. 2019. 224 с.
4. Бязров В.Г. Разграничение захвата заложника и похищения человека: вопросы квалификации // Российский следователь. 2015. № 1. С. 18-22.
5. Байтимова А.Н. Отграничение захвата заложника от ст. 126 и 127 УК РФ / А.Н. Байтимова // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 3. № 13. С. 37-40.
6. Боровиков В.Б. Оценка применения насилия при захвате заложника // Уголовное право. 2016. № 2. С. 17-22.
7. Воронцова А.Н., Щербина М.В. Проблема разграничения преступлений, связанных с похищением человека, с другими смежными составами / А.Н. Воронцова, М.В. Щербина // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 19 (101). С. 81-83.
8. Гатауллин З.Ш. Международные акты об уголовном преследовании терроризма // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. - 2017. № 4 (62). С. 93-98.
9. Говоров И.Г. Похищение человека и захват заложника: проблема разграничения / И.Г. Говоров // Уголовное право. 2019. № 4. С. 28-35.
10. Джинджолия Р. С., Боровиков В. Б. Российское уголовное право. В 2 частях. Общая часть. Учебно-наглядное пособие (схемы). - М. : Прометей. 2018. 158 с.

11. Деркач В.И. Особенности квалификации захвата заложников / В.И. Деркач // В сборнике: Наука XXI века: открытия, инновации, технологии. Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции. 2020. С. 128-131.
12. Джабиева Ф.Н. Проблемы квалификации захвата заложника / Ф.Н. Джабиева // Отечественная юриспруденция. 2019. № 6 (38). С. 38-40.
13. Жевагин Д.А. Особенности захвата заложников / Д.А. Жевагин // В сборнике: Конституционализм и власть в России: история, современные проблемы и перспективы. Сборник материалов IV Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2019. С. 175-177.
14. Жигало И.Ю. О некоторых проблемных аспектах квалификации преступления «захват заложника» / В сборнике: Современные вопросы государства, права, юридического образования. Сборник научных трудов по материалам XV Международной научно-практической конференции. Тамбов. 2020. С. 316-319.
15. Карягина В.В. Историко-правовые аспекты уголовной ответственности за захват заложника / В.В. Карягина // Юридический факт. 2019. № 46. С. 47-52.
16. Киреева Л.Е. Захват заложников: исторический подход к исследованию преступления в российском и международном законодательстве / Л.Е. Киреева // Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза. 2020. С. 54-58.
17. Кадников Н.Г., Дайшутов М.М. О проблемах ответственности за преступления террористической направленности // Общество и право. 2016. № 2(56). С. 104-107.
18. Карданов Р.Р. Похищение человека и захват заложника – соотношение составов, особенности квалификации // Алтайский юридический вестник. № 2(14). 2016. С. 98-101.

19. Кудашова Е.Е. Захват заложника и похищение человека: проблемы разграничения составов // Юридические науки. № 76. 2017. С. 262-266.
20. Лапин И.В. Похищение человека: проблемы определения объективной стороны и отграничения от захвата заложника // Уголовное право. – М. : Изд. АНО «Юридические программы». 2016. № 2. С. 49-56.
21. Лопина М.В., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Криминологическая характеристика захвата заложников в учреждениях ФСИН России. Экспертные выводы и рекомендации // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 1. С. 129-137.
22. Мартыненко Н.Э. Становление и развитие уголовной ответственности за похищение человека // Труды Академии управления МВД России. № 2 (46). 2018. С. 113-116.
23. Мельников, М.Г., Красковский, Я.Э. Отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы и захвата заложников / М.Г. Мельников, Я.Э. Красковский // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2 (77). С. 33-36.
24. Мирхайдаров Ж.К. Юридическая оценка захвата заложника, совершенного при отягчающих обстоятельствах / Ж.К. Мирхайдаров // В сборнике: Парадигма современной науки глазами молодых. Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти основателей филиала Т.Ж. Атжанова и А.М. Роднова, 25-летию Конституции и Ассамблеи народа Казахстана. 2020. С. 105-108.
25. Морозов В. И. К вопросу об отграничении похищения человека от смежных составов преступлений / В. И. Морозов, В. С. Сенникова // Молодой ученый. 2019. № 43 (281). С. 115-116.
26. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. - 6-е изд. - М. : Проспект. 2020. 784 с.

27. Павлик М. Ю. Возникновение и развитие российского уголовного законодательства об ответственности за захват заложника / М.Ю. Павлик // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1. С. 102-107.
28. Покрышкина М.С. Уголовная ответственность за захват заложника / М.С. Покрышкина // Сборник материалов VI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. 2019. С. 136-137.
29. Разинков М.С. Разграничение захвата заложников от смежных составов преступлений / М.С. Разинков // В сборнике: Международная научно-практическая конференция «Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений». Сборник материалов. 2019. С. 131-133.
30. Серебренникова А.В. Уголовная ответственность за захват заложника / А.В. Серебренникова // Знание. 2019. № 9-1 (73). С. 89-93.
31. Скобелина Г.П. Субъективные признаки захвата заложника / Г.П. Скобелина // В сборнике: Интеграция мировой науки в условиях кризиса: теоретические подходы и практические результаты. Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. 2019. С. 69-72.
32. Скобина Е.А. Мотив и цель захвата заложников как категории уголовного права и юридической психологии / Е.А. Скобина // Мир педагогики и психологии. 2019. № 1 (30). С. 226-244.
33. Спица А.Г. Меры противодействия захвату заложника / А.Г. Спица // Студенческий вестник. 2019. № 3-1 (53). С. 71-72.
34. Сундуков Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве: Учебное пособие. – М. : Статут, 2015. 256 с.
35. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954

36. Уголовное право России. общая часть: учебник для академического бакалавриата / под. ред. О.С. Копинус. М. : Издательство Юрайт, 2018. 539 с.

37. Уголовное право России. Общая часть. Учебник. / под ред. Круковского В.Е., Чучаева А.И. - М. : Проспект, 2020. 352 с.

38. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. - М. : Юстицинформ. 2016. 580 с.

39. Уголовное право России. Общая часть. Учебник. / под ред. Непомнящая Т. В., Гринберг М.С. — М. : Проспект. 2018. 448 с.

40. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник для вузов. 2-е изд. / под. ред. Л.Л. Кругликов. М. 2005. С. 464.

41. Шапиев Р.Н. Проблемы применения уголовного законодательства об ответственности за похищение человека // Проблемы в российском законодательстве. No 8. 2016. С. 235-237.